

АРЕАЛЫ РАСТЕНИЙ И ОБЛАСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

© 2019 г. П.А. Гусенков

*Аспирант Московского физико-технического института
(Национального исследовательского университета)*

E-mail: gusenkov@phystech.edu

В статье рассматриваются ареалы дикорастущих растений, названия которых восходят к праславянской лексике по данным этимологических исследований. Определяется тип флоры, характерный для территории формирования праславянского языка. Формулируется гипотеза о географической локализации этих земель.

The article considers the ranges of wild plants, whose names belong to the proto-Slavic vocabulary according to etymological research. The type of flora characteristic of the territory of the formation of the proto-Slavic language is determined. A hypothesis about the geographical localization of these lands is formulated.

Ключевые слова: праславянская лексика, растения, ареалы, территория формирования.

Keywords: Proto-Slavic vocabulary, plants, ranges, territory of formation.

DOI: 10.31857/S0869544X0006801-4

Каждый народ, живущий в той или иной местности, постоянно взаимодействует с окружающими объектами: животными, растениями, формами рельефа, водными объектами, и, сталкиваясь с ними, изобретает для них названия. Некоторые из них берут свое начало в существующих словах языка, другие заимствуются у соседних народов. Дальнейшее развитие заимствованных слов происходит по законам языка, их воспринявшего. Это дает возможность различения ранних и поздних заимствований.

Наличие лексемы с определенным значением во всех или большинстве славянских языков и диалектов, скорее всего, свидетельствует о наличии обозначаемого ею денотата в ареале праязыка. Исключение же из рассмотрения поздних иноязычных заимствований, попавших в лексикон славянских племен уже после их широкого расселения в Европе, ограничивает область понятий, свойственных именно славянским языкам.

К наиболее стабильным характеристикам области этно- и глоттогенеза относятся названия деревьев и кустарников (наряду с названиями форм рельефа,

названиями фауны, названиями металлов и некоторых других). Из обилия в славянских языках лексики, связанной с лесом, болотами и реками, и отсутствия общеславянских морских, степных и горных понятий [1] следует расположение прародины только в равнинной, обильной водами, лесистой местности. Названия животных указывают на лесную зону, но границ территории не уточняют: их ареалы обширны, зачастую включают в себя разные природные зоны и обладают большой подвижностью. Например, уже в наше время кабан за 50 лет продвинулся в северо-восточном направлении на 1000 километров [2. С. 147–156]. Названия трав учитывать трудно в связи с их вариабельностью: часто в разных местностях одним словом обозначаются разные виды, и наоборот, один вид имеет разные локальные названия. Поэтому в статье рассматриваться будут деревья и кустарники. Их ареалы обладают определенным постоянством границ из-за требовательности к климатическим условиям: дерево или кустарник может существовать и давать потомство только если климат комфортен для него на протяжении всего жизненного цикла, длящегося десятилетиями и столетиями.

По приведенным выше причинам названия древесных растений могут служить маркером первоначальной праславянской территории. И если границы ареала одного из видов могли поменяться, то совокупность флоры, зафиксированной языком, достаточно точно указывает и на климатические условия области формирования праславянского языка, и на ее географическое положение.

Вопрос определения славянской прародины по названиям растений рассматривался ранее, но на довольно небольшом материале (пихта, граб, явор, тис, лиственница) [3; 4. S. 23–66; 5. S. 97–102]. Предметом изучения были прежде всего языковые связи, а не ареалы растений, которые использовались в качестве дополнительной аргументации. В большинстве исследований проводилось определение западной границы праславянских земель, а вопрос о восточной оставался открытым. Между тем, области распространения некоторых растений определяют ее достаточно четко.

Основным источником слов в статье является Этимологический словарь славянских языков [6] (далее — ЭССЯ). С 1974 г. по настоящее время издан 41 выпуск, охватывающий праславянский лексический фонд от *а до *разьпъ-(ъ). Продолжается работа над томами, включающими слова на буквы п, р, с, ш, щ, т, у, в, з, ж, поэтому часть названий не попала в круг рассмотрения в данной статье.

В ЭССЯ включены следующие названия деревьев и кустарников:

- *ablonь ‘яблоня’;
- *abolнь ‘чинара’ (у южных славян);
- *asenъ/asenь ‘ясень’;
- *asokoгъ/ь ‘тополь’ (возможно, производное от названия осины);
- *avorь ‘явор’ (белый клен, заимствовано из германских языков);
- *bagнь ‘багульник’;
- *berka ‘рябина’;
- *berсть ‘вяз’ (слово родственно названию березы);
- *berza ‘береза’;
- *bogъ ‘сосна’, ‘лес’, ‘сухие возвышенные места’;
- *brinъ ‘можжевельник’ (у южных и западных славян — ‘лиственница’);

*bъrŝŝьſan ‘бересклет’, ‘плющ’;
 *buk ‘бук’ (заимствовано из германских языков);
 *buzina, *bъzъ ‘бузина’;
 *ſerſьxa ‘черемуха’;
 *ſerſьna ‘черешня’ (заимствовано из латинского языка);
 *dъbъ ‘дуб’ (общеславянская инновация вместо *perĕkъ);
 *edlъ ‘ель’;
 *eльxa ‘ольха’;
 *emela ‘омела’;
 *glogъ ‘боярышник’, ‘роза’, ‘мушмула’, ‘кизил’, ‘дерен’ (у южных и западных славян; здесь же можно упомянуть название *Sorbus torminalis* — рябина глоговина в русском языке);
 *grabъ ‘граб’;
 *gruſa, *kruſa ‘груша’;
 *xъmelъ ‘хмель’ (заимствовано из иранских языков; также слово имеет расширенное значение ‘опьянение, охмеление’);
 *jьlъſь ‘вяз’;
 *jьva ‘ива’;
 *kalina ‘калина’;
 *klenъ ‘клен’;
 *kl’uku ‘клюква’;
 *kruſina ‘крушина’ (возможно, книжное слово);
 *lěſſina ‘лещина’, ‘орешник’;
 *lipa ‘липа’;
 *malina ‘малина’;
 *modrodervъ ‘лиственница’;
 *moždzevelъ ‘можжевельник’, ‘дуб’;
 *neklenъ ‘клен татарский’ (иногда — клен полевой);
 *obrěxъ ‘орех’, ‘лещина’;
 *oльxa ‘ольха’;
 *omela ‘омела’;
 *opsa и производные *opsina, *opsica, *opsika — ‘осина’;
 *orkyta/orĕkytъ ‘ракита’;
 *oskoruſa ‘рябина’;
 *oskoĕъ ‘тополь черный’;
 *ostrqžina ‘ежевика’.

Из рассмотрения исключим слова, обозначающие сразу несколько видов растений, из-за невозможности определить, к какому из них первоначально относилось название (*brinъ, *glogъ), а также позднейшие заимствования,

имевшие место не ранее славянской миграции на Балканский полуостров (**čeršъna*) и вероятные переносы славянских наименований на новый денотат (**abolnъ* в значении «чинара») [6].

Таким образом, согласно неполному списку праславянских основ праславяне во время формирования их дендрологического лексикона знали дуб, граб, клен остролистный (*Acer platanoides*), ясень, один из видов вяза, орешник, березу, тополь, осину, грушу, яблоню, калину, рябину, черемуху, бузину, ольху, ель, сосну, омелу, бересклет, иву, хмель. И не знали бука и клена белого (явор, *Acer pseudoplatanus*).

Все эти виды вместе произрастают в определенной природной зоне — области смешанных хвойно-широколиственных лесов. Таежная зона исключается присутствием в списке яблони, груши и типичных широколиственных видов — дуба, граба, клена, ясеня.

Из числа перечисленных видов береза, осина, калина, ежевика, малина, рябина, черемуха, ольха, ива произрастают во всей лесной зоне Европы, что не позволяет ограничить изыскиваемую территорию.

Интерес вызывают лишь виды, области распространения которых занимают только часть равнинной территории Восточной Европы. Пересечения их ареалов позволяют выделить изыскиваемый регион. Рассмотрим эти виды подробнее.

Соотношение территорий распространения бука (*Fagus sylvatica*) и области формирования праславянского языка неоднократно рассматривалось в литературе на протяжении всего XX в. Северо-восточная граница ареала бука проходит по южной части Скандинавского полуострова вблизи северных границ исторической области Гёталанд. На материковой части Европы она идет от середины Куршской косы вдоль берега Балтийского моря на расстоянии около 150 километров от него, выходит к Висле около Торуня, пересекает ее, идет на юго-запад, оставляя за своими пределами Познань, в междуречье Варты и Одыра поворачивает на юго-восток в направлении истока Западного Буга, незначительно отклоняясь от прямой линии к северу. Дальнейшее ее направление — южное, вдоль восточных склонов Карпатских гор (Рис. 1) [7]. Такая граница исключает из рассмотрения горные области и земли, лежащие к западу от Одыра. Спутником бука является тисс, также незнакомый праславянам [8. С. 5].

Практически совпадает с буковой, за исключением прибалтийского и причерноморского участков, граница распространения пихты белой (*Abies alba*). Прочие виды пихты распространены либо значительно южнее, на Балканском полуострове (пихта кефалинийская *Abies cephalonica*, пихта македонская *Abies borisii-regis*), либо на севере европейской части России, по левому берегу Волги в среднем ее течении и севернее (пихта сибирская *Abies sibirica*) (Рис. 1) [9; 8. С. 6—7, 11].

Те же самые области — горы Европы и Русский Север — занимают разные виды лиственницы (европейская, польская, сибирская) [9; 8. С. 22—25]. Кроме того, лиственница польская произрастает в верховьях Вислы вплоть до ее слияния с Западным Бугом. Название этого дерева (**modrodervъ*) имеет неясное происхождение. По существующим версиям, оно было либо заимствовано у германских народов, либо представляет собой позднее образование, связанное с внешним видом дерева или с переносом на него названия можжевельника.

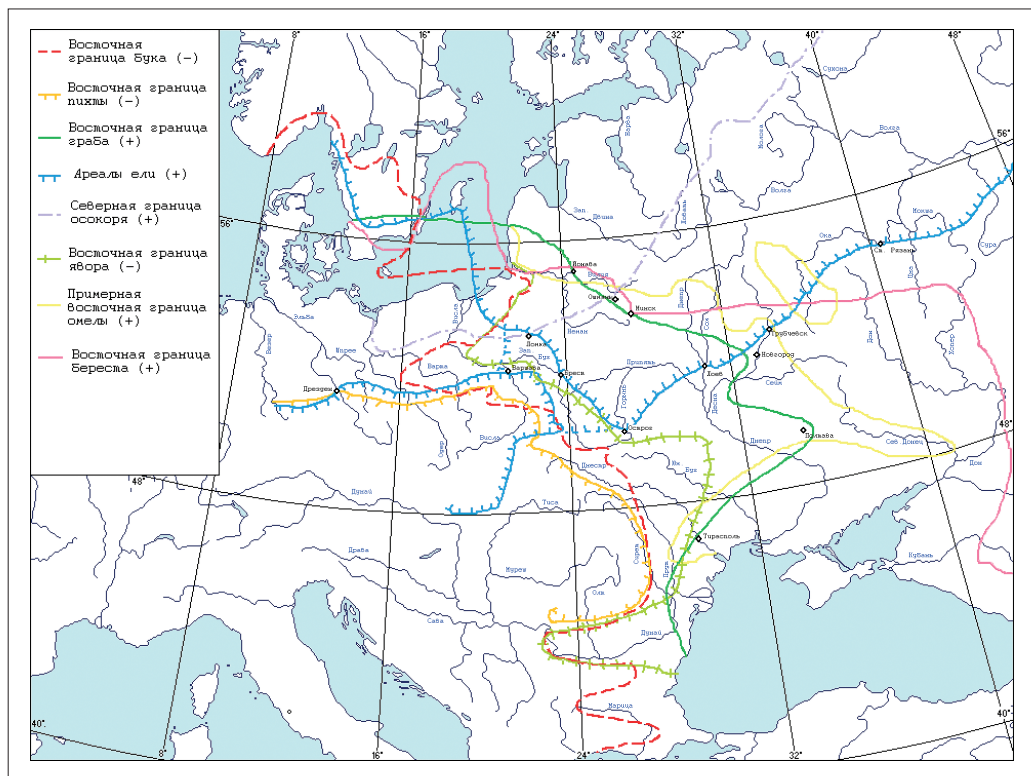

Рис. 1. Ареалы деревьев

Ареал ели состоит из двух областей. Граница первой, западной, в северной своей части повторяет границу пихты, но отстоит от нее примерно на 40 километров к северу на участке между Дрезденом и Лодзью. Затем проходит вдоль среднего течения Вислы и Западного Буга на том же расстоянии, от верховий последнего резко поворачивая на запад.

Основная часть ее области распространения расположена восточнее, ограничена с запада линией устье Вислы—Млава—Ломжа—Брест—Острог, с юга — линией Острог—устье Славичны—устье Сожа—Трубчевск—Болхов—Старая Рязань—Саранск—Казань—русло реки Белой [7]. Другие авторы указывают единый ареал, включая в него и бассейн Западного Буга [10]. Ель отсутствует в водосборе Вислы ниже устья Западного Буга, в Подолье, Галиции и Среднем Поднепровье (Рис. 1). Ограничивающими факторами служат недостаточная увлажненность южных регионов и неподходящие для нее условия польского безъельного коридора в бассейне Западного Буга и Нарева, заселенного елью только в последнее время [11. С. 18—33].

Ограниченную территорию в Восточной Европе занимает граб, определяя восточную границу праславянских земель. По лингвистическим материалам [6], его название произошло от глагола «грести» и связано с заготовкой ветвей на корм скоту. Это свидетельствует если не о широком, то о заметном распространении вида и об активном его использовании в хозяйственной деятельности. Таким образом, присутствие граба на искомой территории должно быть ощутимым и не должно ограничиваться единичными экземплярами. Восточная линия распространения граба идет от провинции Сконе в Швеции через

остров Эланд к устью реки Сака на Курляндском полуострове, оттуда к впадению Швянтойи в Вилию, немного выгибаясь к северу. С северо-востока ареал граба ограничен линией Йонава—Минск—Почеп, с востока — полосой днепровского левобережья шириной около 100 километров, с юга — линией от Полтавы через Тирасполь к низовьям Дуная (Рис. 1) [7]. Другие виды граба произрастают значительно южнее, на Балканах и на Кавказе, вдали от рассматриваемой территории.

Название явора (*Acer pseudoplatanus*) в славянских языках, как и название бука, было заимствовано у германцев. Граница распространения явора также близка к буковой, в северной своей части (до Вислы) совпадая с ней. Дальше она проходит по течению Вислы вплоть до устья Западного Буга, оттуда — на юго-восток к истокам Горыни, после чего поворачивает на восток к Днепру, тем не менее его не достигая. Напротив Переслава сменяет свое направление на юго-западное и идет почти до дельты Дуная, после чего огибает Нижнедунайскую низменность по отрогам Карпат и гор Стара-Планины. В большинстве мест она отстоит от буковой примерно на 150 километров к востоку, за исключением уже упомянутого северного участка и Подольской возвышенности, где явор есть, а бук отсутствует (Рис. 1) [10].

Клен татарский (неклен) назван так из-за своего родства с кленом остролистным и из-за внешних различий с ним. Сложно утверждать однозначно, знали ли его праславяне, или нет, определенно можно сказать лишь, что встречаться он должен был значительно реже клена. Его ареал занимает южную часть Восточноевропейской равнины, достигая в бассейне Днепра 51° северной широты и 54°30' в Поволжье. В бассейне Припяти он еще встречается, севернее — уже нет [12. С. 68, 74]. Северная граница клена полевого идет примерно по 53-й параллели, в припятском водосборе он присутствует, в верховьях Днепра севернее Рогачева не продвигается [10].

Названия осокоря (*Populus nigra*) и береста (вяз малый, *Ulmus minor*) связаны с названиями других видов, у обоих — исходя из особенностей коры [6]. Такая ситуация могла возникнуть лишь в случае значительного преобладания осины и березы над топодем и вязом в исходной области. Исходя из распространенности в праславянской лексике словообразовательной модели, по которой образовано слово «осокорь», можно с осторожностью ограничить праславянскую землю ареалом тополя черного, тем самым исключив прибрежную 200-километровую полосу вдоль балтийского берега от устья Вислы до устья Немана, нижнее и среднее течение Немана, Вилии, Западной Двины, Ловати и бассейн Нарвы (Рис. 1). Восточная граница береста проходит по низовьям Немана, течению Вилии, потом отклоняется к Минску и от него идет на восток в сторону Пензы почти по прямой, охватывая практически весь бассейн Дона (Рис. 1). Наиболее часто встречается в лесостепной зоне по балкам и долинам рек, на севере ареала более редок [10]. Происхождение современного названия тополя туманно, оно могло быть заимствовано из латинского *populus* (см. [13. С. 647; 14. С. 79]). Но каких-то выводов из этого сделать не получится ввиду существования исконного *oskorь.

Граница распространения паразитического растения омелы в северной части повторяет границу береста, отступая от нее на север в верховьях Днепра, затем тянется на юго-восток, окружая бассейн Северского Донца, на юге проходит по окраине лесной зоны. Кроме того, в верховьях Оки имеется изолированный ареальный остров (Рис. 1). В целом она не заходит дальше средней изотермы января —10°C [15. С. 68, 276; 16. Р. 111].

Клюква произрастает в специфических природных условиях, только на сфагновых торфяных болотах [17]. Согласно В. М. Шмидту [18. С. 71, 192–195], ее южная граница проходит вдоль южной границы леса по широте 50°, из более южных земель захватывая Волинь.

До той же линии, что и область распространения клюквы, доходит ареал вереска [19. С. 12]. С ним, правда, имеется сложность: в некоторых регионах тем же словом называют можжевельник. Впрочем, это растения одной природной зоны и даже произрастают в одной экосистеме [12. С. 118].

Из числа видов, не упомянутых в ЭССЯ, праславяне определенно знали сливу, вишню, вербу, ветлу, вереск, бруснику, смородину, жимолость. Однако эти названия не позволяют ограничить праславянскую территорию: ива — из-за широкого ее распространения; брусника — по причине применяемости этого названия к разным ягодным кустарникам семейства вересковых; садовые плодово-ягодные культуры — поскольку являются синантропными, распространяются человеком и не имеют четких границ ареалов.

В европейской части бывшего СССР произрастают четыре вида жимолости. Два из них, синяя и черная (*Lonicera caerulea*, *Lonicera nigra*), относятся к видам Карпат и Прикарпатья, еще один — жимолость татарская (*Lonicera tatarica*) растет восточнее, в бассейне Волги. Последний же вид, жимолость обыкновенная *Lonicera xylostemon*, характерен для лесов европейской части бывшего СССР. Предпочитает подлесок широколиственных и хвойно-широколиственных лесов, реже заходит в зоны мелколиственных и разреженных темнохвойных. Обычно соседствует с липой, дубом, вязом, буком, елью, лещиной [12. С. 136–147]. Из-за широкого ареала распространения жимолость дополнительных сведений не дает.

Не сталкивались праславяне в области формирования своего языка с кизилом и боярышником — первое слово тюркского происхождения, второе образовано от слова «боярин», тоже являющегося заимствованием из тюркских языков [20. С. 203–204].

Род боярышник, в отличие от других розоцветных, представлен на Восточно-европейской равнине достаточно широко. В западных районах (Прибалтика, Карпаты и Прикарпатье) произрастают боярышник гладкий *Crataegus laevigata*, продвигающийся до Беловежской пуши, боярышник однопестичный *Crataegus monogyna*, боярышник пятипестичный *Crataegus pentagyna*. Боярышники ложный (*Crataegus fallacina*), украинский (*Crataegus ucrainica*) встречаются в среднем Поднепровье, боярышник кроваво-красный характерен для Поволжья. Другие виды в больших количествах отмечаются в Прибалтике, в Крыму, в среднем и нижнем Подонье и Поволжье [21. С. 48–61; 22. С. 68–77], с удалением от этих центров видовое разнообразие уменьшается.

К широко распространенным видам С. Я. Соколов относит боярышник отогнуточашелистиковый (*Crataegus curvisepala*, он же *Crataegus kyrtostyla*, *Crataegus pseudokyrtostyla*), произрастающий в Прибалтике, Белоруссии и южных районах бывшего СССР. По некоторым современным исследованиям [23] к эндемикам Белоруссии он не относится; к таковым авторы относят лишь боярышник украинский на Мозырской гряде. По иным — встречается на всей территории страны, но крайне редок [24].

Пересечение ареалов перечисленных выше деревьев и кустарников дает ромбоподобную конфигурацию, ограниченную линиями Варшава–Вышкуп–Острог–Жубровичи–Лоев–Новгород–Северский–озеро

Мирнинское—Ошмяны—Хожеле—Варшава. На этой территории выполняют все лингвистическо-ботанические условия: здесь присутствуют все те виды, названия которых имеют праславянское происхождение, и отсутствуют те, названия которых заимствованы. В качестве исключений могут быть отмечены только два вида из более чем сорока рассмотренных: тополь, имеющий также исконное название, и боярышник, присутствующий здесь эпизодически. Однако заметим, что боярышник все же мог быть известен праславянам, например, под названием *glogъ, а его редкость не позволила этому названию закрепиться во всех славянских языках: название малознакомого вида легко перешло на другие, внешне схожие с ним (мушмула, рябина, дерен и т.д.).

Географически эти земли представлены бассейнами Нарева, Припяти, низовий Западного Буга, белорусским Понеманьем, нижним течением Березины, Сожа и лежащей между ними частью бассейна Днепра. Наложение «ромба» на физическую карту показывает, что рельеф рассматриваемой территории низинный, с обилием рек и болот и полным отсутствием возвышенностей, что коррелирует с особенностями географической лексики славянских языков, описанными в начале статьи. Стоит отметить, что сплошные болотные пространства необходимо исключить из рассмотрения из-за их непригодности для жизни. На рассматриваемой территории они расположены вдоль Припяти, занимая долины ее левых притоков, верхнюю половину бассейна Шары, почти весь бассейн Птичи, водораздел Птичи и Березины, участок между низовьями Припяти и Днепром [25. Прил. 2].

Такие виды деревьев, как клен, вяз, липа, дуб, ясень, сосна, лещина широко распространены в широколиственных и смешанных лесах Восточноевропейской равнины, их ареалы обширны и простираются далеко за пределы рассматриваемой области. Однако определенные сведения могут дать и они.

В частности, можно отметить значительное присутствие в области праславянского языка сосны и лещины. Об этом свидетельствует связь их названий с лесом в целом: лещина — лес, а старое название сосны оказалось перенесенным на один из видов леса (бор), чего не могло случиться в областях с ее незначительным присутствием [6; 26. С. 209].

Лещина — типичное растение подлеска, в основном произрастает в лесах с господством дуба, граба, бука, сосны и присутствием ели, на плодородных почвах.

Название липы является центром крупного «гнезда» однокоренных слов, что говорит о ее широком использовании и распространении на праславянской территории. На Восточноевропейской равнине липа сопутствует тем же деревьям, что и лещина.

Согласно лесорастительному районированию Белоруссии выделяется несколько природных районов. Северный район еловых лесов, западный район елово-широколиственных лесов и восточный район елово-дубовых лесов занимают северную часть страны вплоть до линии Минск—Баков—Костюковичи и характеризуются отсутствием граба; основными породами являются сосна, ель, береза, осина, ольха, в восточной части этой зоны — и дуб. В южном районе дубово-грабовых лесов нет ели.

Единственной территорией, имеющей подходящий для праславянской зоны тип растительности, является центральный район дубово-елово-грабовых лесов. С севера он ограничен линией Трабы—Дзержинск—Червень—Быхов—Краснополье, с юга — линией Светиловичи—Буда-Кошелево—Копцевичи—озеро

Червоное. Район включает в себя белорусское Понеманье, бассейн Птичи, нижнюю часть водосбора Березины, участок Днепра от устья Березины до Быхова, Сож от устья Липы до Славгорода и нижнее течение Беседи [27. С. 16–19, 23–27; 28. С. 4–15], группируемые в Неманско-Предполесский и Березинско-Предполесский геоботанические округа (Рис. 2). Именно в этой области и должна лежать славянская прародина, а если учесть многочисленность славян в первых письменных упоминаниях о них (см. [29. С. 71, 91; 30. С. 384]), то прародиной должна являться практически вся эта земля или значительная ее часть: небольшая территория не смогла бы обеспечить возникновение импульса для быстрой славянской колонизации, охватившего всю Восточную Европу. И. Д. Юркевич [28. С. 11], говоря об этой зоне, дает следующий состав растительности:

Сосна – 57,06%;
Ольха – 10,98%;
Береза – 10,36%;
Ель – 9,42%;
Дуб – 5,70%;
Осина – 4,21%;
Граб – 1,02%;
Липа – 0,57%;
Ясень – 0,31%;
Клен – 0,10%;
Прочие виды – 0,27%.

В числе остальных видов упоминаются берест и тополь, в подлеске – бересклет. Видно, что это как раз тот тип леса, который фиксируется лексикой праславянского происхождения.

В западной Белоруссии этот же тип растительности распространен в бассейне Случи, верховьях Щары, Зельвянки, Росси и Ясельды – к северу от линии сплошного ареала ели [31. С. 125; 11. С. 11, 14–33] вплоть до Беловежской пуши, где появляется пихта [32. С. 59, 61, 108]. На территории России граб распространен только в Брянской области, к западу от линии Красная Гора–Новозыбков–Истопки [33. С. 141–142], что добавляет к перечисленным ранее территориям нижнее течение Ипути и верховья Снова. Ель в этих местах присутствует, хоть и в небольших количествах, причем число ельников естественного происхождения составляет около 50% [34. С. 107–112]. Согласно данным И. Д. Юркевича [27. С. 101, 120, 135–138], граб чаще встречается в восточной части рассмотренной зоны, в бассейнах Березины, Днепра и Сожа, а также в Понеманье выше устья Лебеды.

В историческое время ареалы деревьев могли расширяться или сужаться в зависимости от климатических факторов. Интерес для исследования представляют геологические материалы, относящиеся к периоду позднего голоцена, начавшегося 2500 лет назад и продолжающегося до наших дней, поскольку праславянский язык сформировался в первую половину этого временного отрезка [35].

Граб относительно требователен к теплу и мягкому климату [8. С. 107–108], восточная граница его ареала параллельна линиям изотерм января. Можно предположить, что вектор его продвижения был параллелен температурному

градиенту. Теми же предпочтениями отличается бук, но у него они имеют более выраженный характер: продолжительные зимние морозы от -13°C до -23°C повреждают его, весенние заморозки вызывают гибель всходов [8. С. 115]. В свою очередь, некоторые виды, например вяз, ограничены не изотермами, а географическими параллелями. При изменении средней температуры продвижение их границ в меридиональном направлении будет меньшим, поскольку их распространение зависит не только от температурных факторов, они с равным успехом произрастают и в более холодных, и в более теплых областях.

Широколиственные культуры в позднем голоцене продвигались севернее и восточнее. Бук обнаруживается в бассейнах Припяти, Западной Двины, верхней Оки и на Валдайской возвышенности. Ареал граба охватывал северную Белоруссию, верхнее Поочье и земли к западу от Ловати. Ель спускалась на юг по течению Северского Донца и Дона до их средних течений, а в бассейне Припяти обнаруживалась южнее современной границы примерно на 100 километров в районе Овруча и в Прикарпатье. Пихта проникала на восток до среднего течения Припяти. Ее отступление предположительно связано с хозяйственной деятельностью человека. Таким образом, найденную нами ромбоподобную область можно расширить на востоке и севере вплоть до Западной Двины, Десны или даже самых верховий Оки. На юге придется исключить правобережье и верховья Припяти из-за наличия бука и пихты. Северо-восточная граница отодвигается до линии Витебск—Смоленск—Брянск—Путивль (Рис. 2) [36. С. 118–123]. Но следует помнить, что она определяется лишь приблизительно из-за небольшого количества палеоботанического материала. Кроме этого, находки пыльцы свидетельствуют о произрастании вида в месте находки, но не позволяет точно оценить его распространенность. С уверенностью можно говорить лишь о том, что славянская прародина лежит к юго-западу от линии Витебск—Путивль.

Для оценки возможных границ распространения видов сравним климатические условия Восточноевропейской равнины на рубеже эр с современными. При их совпадении ареалы можно считать одинаковыми или достаточно близкими, при различии становится понятным направление их смещения — на север при повышении температуры и на юг при снижении.

Сведения о климате в верховьях Днепра неизвестны, однако в литературе имеется информация о соседних регионах. Торфяной материал болота Ширинские Мхи (центр Ленинградской области), позволяет оценить количество осадков в историческое время. Так, во II–III вв. количество осадков теплого периода совпадало с современным, на рубеже эр (I в. до н.э. — I в.н.э.) превышало его на 25 мм. Те же расчеты, проведенные для Полистовского болота (юг Псковской области), показали то же значение для I — середины IV вв.; для Бакшеевского болота (Московская область) — значение, меньшее современного на 25 мм. В Чехии же разница современных и древних осадков составляла более 100 мм.

Разница современных и древних значений температур июня для Псковской области не превышала 2°C , причем с 200 года до н.э. по 200 год н.э. наблюдалось потепление: от значений, больших современных на $0,5^{\circ}\text{C}$ до значений, превышающих нынешние на 2°C . В Ленинградской области наблюдалась прямо противоположная тенденция. Среднегодовая температура Псковщины была равна современной. Максимальные значения температур западной части Восточноевропейской равнины были достигнуты во 2–3 четверти I тысячелетия н.э., к этому же времени стоит отнести максимальное продвижение

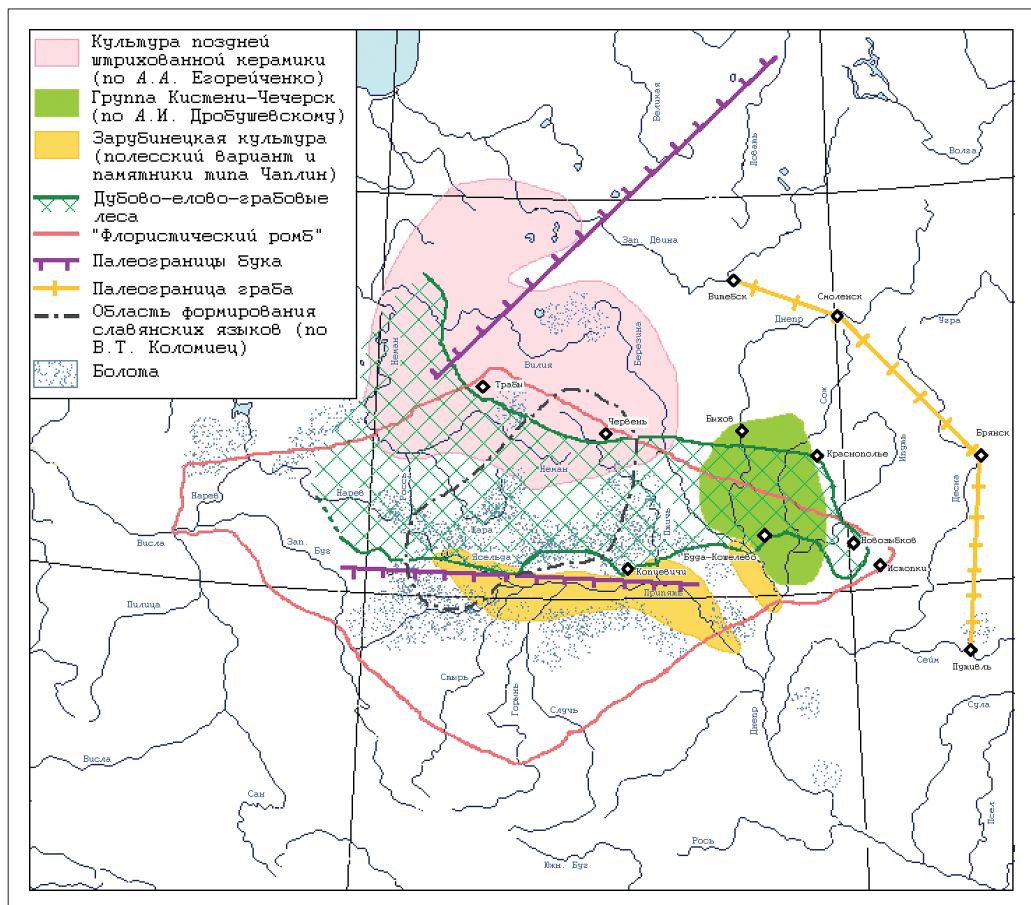

Рис. 2. Флора и археологические культуры Белоруссии

теплолюбивых древесных пород на восток. Данные анализа пыльцы показывают, что 2500–1600 лет назад наблюдается увеличение доли сосны в пыльцевых спектрах и уменьшение доли широколиственных пород. Ель в Полесье в это время практически отсутствовала [37. С. 97–107, 159–164; 38. С. 391–404]. Исходя из схожести климата можно утверждать близость ареалов древесных пород двухтысячелетней давности к современным.

Все достоверно фиксируемые славянские археологические культуры тяготеют к рекам; с учетом большого количества водно-болотной лексики в славянских языках разумно искать прародину не на водоразделах, а в бассейнах рек, к которым тяготеют заболоченные местности. Таких территорий в рассматриваемом регионе две – верховья Немана и междуречье Березины, Днепра, Сожа и Ипути. Географически вторая из них выглядит предпочтительнее, поскольку лежит ближе к центру области распространения археологических памятников горизонта Рахны–Почеп, на основе которых сформировались достоверно славянские культуры. Из этого региона открыты пути ко всем частям днепровского бассейна, а днепровское левобережье и Подесенье, ставшие центром Киевской культуры, находятся совсем рядом [39. С. 6, 67, 70–103]. Следует отметить, что именно в Междуречье локализуются памятники типа Кистени–Чечерск [40. С. 97; 14], являющиеся кандидатами на роль праславянских [41; 3]. Эти памятники, что интересно, практически не выходят за

пределы зоны хвойно-широколиственных лесов с присутствием граба (Рис. 2). Верхнее Понеманье в это время занято редкими периферийными памятниками культуры штрихованной керамики, занимающей территорию вплоть до Западной Двины (Рис. 2). Основные ее земли расположены севернее и восточнее, а связь с позднейшими славянскими культурами неясна [42. С. 57–60; 43]. На среднюю часть Белоруссии указал и лингвистический поиск В.Т. Коломиец, исследовавшей названия рыб в славянских языках (Рис. 2) [44. С. 137–142]. Впрочем, из-за возможного изменения их ареалов за две тысячи лет, найденная ею область может быть расширена и в таком случае практически совпадет с определенной нами территорией.

Исходя из сказанного ранее, наиболее вероятной областью формирования праславянского языка представляется территория между Березиной и Ипутью; во вторую очередь — земли верхнего Понеманья. Именно на этих землях стоит искать археологические памятники, связанные преемственностью с раннеславянскими культурами; нахождение их в иных местах кажется маловероятным. В настоящее время самым перспективным кандидатом на роль культуры праславян выглядит группа памятников Кистени—Чечерск. Впрочем, эта гипотеза требует тщательных исследований и поиска доказательств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Толстой Н.И. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М., 1969.
2. Бобров В.В., Варшавский А.А., Хляп Л.А. Чужеродные виды млекопитающих в экосистемах России. М., 2008.
3. Шукин М.Б. Рождение славян // Стратум: структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории. СПб., 1997.
4. Moszyński K. Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. Wrocław; Kraków, 1957.
5. Czekanowski J. Polska—Słowiańszczyzna. Perspektywy antropologiczne. (Biblioteka Wiedzy o Polsce. T. III). Warszawa, 1948.
6. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н.Трубачева. М., 1974.
7. Физико-географический атлас мира. М., 1964.
8. Ареалы деревьев и кустарников СССР. В трех томах. Т. 1 / Сост. Соколов С.Я., Связева О.А., Кубли В.А. при участии Скворцова А.К., Грудзинской И.А., Огуреевой Г.Н. Л., 1977.
9. Мамаев С.А. Виды хвойных на Урале и их использование в озеленении. Свердловск, 1983.
10. Caudullo G., Welk E., San-Miguel-Ayaz J. Chorological maps for the main European woody species // Data in Brief. 2017. Vol. 12.
11. Юркевич И.Д. Типы лесов Белорусской ССР. Краткий очерк. Минск, 1948.
12. Ареалы деревьев и кустарников СССР. В трех томах. Т. 3 / Сост. Соколов С.Я., Связева О.А., Кубли В.А. при участии Камелина Р.В., Яковлева Г.П., Грубова В.И., Леоновой Т.Г., Васильева И.В., Горбуновой Н.В., Сафроновой И.Н., Иванишвили М.А., Катенина А.Е. Л., 1986.
13. Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1957.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Изд. 2. М., 1987. Т. 4.
15. Атлас ареалов и ресурсов лекарственных растений СССР. М., 1980.
16. Atlas Florae Europaeae: Distribution of Vascular Plants in Europe: Salicaceae to Balanophoraceae. Helsinki, 1976.
17. Черкасов А.Ф., Буткус В.Ф., Горбунов А.В. Клюква. М., 1981.
18. Ареалы лекарственных и родственных им растений СССР (Атлас) / Под ред. В.М. Шмидта. 2-е издание, исправленное. Л., 1990.
19. Вальтер Г. Общая геоботаника. М., 1982.
20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 1: А—Д.
21. Меженська Л.О., Меженський В.М. Рід Глід (Crataegus L.) в Україні: інтродукція, селекція, еколого-біологічні особливості. Київ, 2013.

22. Ареалы деревьев и кустарников СССР. В трех томах. Т. 2 / Сост. Соколов С.Я., Связева О.А., Кубли В.А. при участии Соскова Ю.Д., Мусаева И.Ф., Ловелиус О.Л. Л., 1980.
23. Дубовик В.Д., Скуратович А.Н. Род Боярышник (*Crataegus*) во флоре Беларуси // Ботанические сады: состояние и перспективы сохранения, изучения, использования биологического разнообразия растительного мира. Тезисы докладов Международной научной конференции, посвященной 70-летию со дня основания Центрального ботанического сада НАН Беларуси. Минск, 2002.
24. Гаранович И.М., Рудевич М.Н., Гринкевич В.Г. Генофонд рода боярышник в Беларуси // Материалы 2-й Междунар. научно-практической конференции «Актуальные проблемы изучения и сохранения фито- и микобиоты» (12–14 ноября 2013 г.). Минск, 2013.
25. Геология СССР. Т. 3. Белорусская ССР. Полезные ископаемые. М., 1977.
26. Филлин Ф.П. Образование языка восточных славян. Монография. М.; Л., 1962.
27. Юркевич И.Д. Растительность Белоруссии, ее картографирование, охрана и использование. Минск, 1979.
28. Юркевич И.Д. и др. Типы и ассоциации еловых лесов. Минск, 1971.
29. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. *Jetica*. М., 1960.
30. Прокопий из Кесари. Война с готами // Прокопий из Кесари / Пер. с греч. С.П. Кондратьева. М., 1950.
31. Мешечко Е.Н. Краеведение. Уч. метод. пособие для студентов географического факультета Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина. Брест, 2010.
32. Третьяков Д.И. Дополнения к флоре сосудистых растений Беловежской пушчи // Ботаника (исследования): сб. науч. тр. Минск, 2010. Вып. 39.
33. Красная книга Брянской области. Растения. Грибы. Брянск, 2004.
34. Устинов М.М. Ель в лесах Брянской области. Брянск, 2009.
35. Girdenis A., Mažiulis V. Baltų kalbų divergencinė chronologija // *Baltistica*. XXVII (2). 1994.
36. Смирнова О.В. Восточноевропейские леса: история в голоцене и современность. В 2-х кн. М., 2004. Кн. 1.
37. Чернавская М.М. и др. Изменчивость климата Европы в историческом прошлом. М., 1995.
38. Борисов А.А. Климаты СССР в прошлом, настоящем и будущем. Л., 1975.
39. Лопатин Н.В., Фурсев А.Г. Северные рубежи раннеславянского мира в III–V вв. н.э. (Раннеславянский мир, выпуск 8). М., 2007.
40. Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в I–II вв. н.э. М., 1991.
41. Дробушевский А.И. Древности чечерской группы (типа Кистени–Чечерск) и памятники типа Абидни Белорусского Поднепровья // *Acta Archaeologica Albaruthenica*. Минск, 2012. Vol. VIII.
42. Егорейченко А.А. Культуры штрихованной керамики. Минск, 2006.
43. Белевец В.Г. Проблема выделения памятников позднелазаревского круга в белорусском Припятском Полесье // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3: Сб. статей. Тула, 2012.
44. Коломиец В.Т. Происхождение общеславянских названий рыб. Киев, 1983.